

УДК 904:069.01

И.М. Минеева, Н.Н. Григорьев

ДРЕВНИЕ КАМЕННЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЮЖНОГО УРАЛА КАК ОБЪЕКТЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ И СОХРАНЕНИЯ

Статья посвящена рассмотрению состояния изучения и сохранения древних каменных сооружений Южного Урала. Дана общая оценка исследований антропоморфных изваяний, каменных стел, менгиров степной полосы Евразии, в частности Южного Урала. Сделаны выводы о необходимости организации их более целенаправленного изучения в качестве сложных и многокомпонентных объектов историко-культурного наследия народов России, а также постановки на государственную охрану и сохранения в форме музеефикации как неотъемлемой части историко-культурного ландшафта.

Ключевые слова: археология, историко-культурное наследие, каменные сооружения, мегалиты, Южный Урал.

К настоящему времени в ходе комплексных археологических исследований, развернувшихся на территории Южного Урала, сделано множество новых открытий, связанных с особенностями культурогенеза древнейших обществ этого региона, начиная с эпохи камня до нового времени. В процессе исследований на территории Башкирии, Челябинской и Оренбургской областей, а также юга Свердловской области, выявлена целая группа артефактов, относящихся к элементам первобытной каменной архитектуры. Среди них: менгиры и дольмены, образующие целые мегалитические комплексы, такие феномены как карыскы (сложенные каменные кучи типа обо), оленные камни и антропоморфные изваяния, а также мавзолеи, мазары и эпитафии. Не вызывает сомнения, что их происхождение, несмотря на различия в типологическо-хронологическом отношении, в той или иной мере связано с проявлением древних культов почитания предков, родовой территории, определенной местности. В обобщенном виде эти памятники можно рассматривать как проявление культа камня местных племен, сложившегося в эпоху бронзы и существующего в виде элементов архаичной традиционной культуры вплоть до настоящего времени.

В связи с этим актуальным становится вопрос о выработке определенных концептуальных позиций и методологических оснований, ориентированных на формирование процесса их более целенаправленного выявления, изучения, систематизации, атрибуции и решения проблемы сохранения и дальнейшего использования в качестве объектов историко-культурного наследия. Определение контуров и ориентиров такой научной концепции и ставится задачей данной работы. В качестве примера хотелось бы кратко проанализировать историю изучения двух близких по своей структуре типов каменных сооружений, встречающихся

на Южном Урале, – антропоморфных изваяний и каменных стел, не имеющих ярко выраженных признаков обработки.

Наиболее ранние упоминания о наличии каменных антропоморфных изваяний на территории степной полосы России встречаются в произведении классика персидской поэзии Низами Гянджеви «Искандер-Наме» (XII в.), где описывается кипчакское капище [1. С. 19]. В книге фламандского монаха-францисканца Гильома Рубрука «Путешествие в восточные страны» (XIII в.) в ходе рассказа об особенностях погребального обряда кочевников также подробно описываются каменные надмогильные сооружения, в том числе «каменные бабы», изображающие людей с чашами [2. С. 102–103]. Г. Рубрук объединял степные народы общим названием куманы или кыпчаки, определяя их как создателей каменных изваяний. Другим источником отечественного происхождения, обращающим внимание на каменные сооружения рассматриваемого типа, является «Книга большого чертежу», составленная в 1627 г. в Разрядном приказе Российского государства. При этом в «Книге» предпринимается разделение «каменных баб» на два типа по половому признаку [3. С. 68].

На Южном Урале сооружения из камня впервые были признаны остатками древних культур в ходе описаний средневековых надгробных памятников, мавзолеев и «каменных баб» исследуемого региона, сделанных членами Оренбургских экспедиций в XVIII в. [4. С. 63 и др.]. В ходе целенаправленного сбора информации о выявляемых памятниках, прослеживалось стремление определить этническую принадлежность создателей антропоморфных изваяний. Так, путешественник П.С. Паллас делил каменные бабы на две группы – древнюю и новую. Первую он относил к гуннам, а вторую к татарам, причисляя к ним ногайцев и казак-киргизов [5. С. 8]. Первая научная публика-

ция, описывающая антропоморфные изваяния, принадлежала графу А.С. Уварову [6. С. 6], который, помимо сбора сведений о всех известных ему на тот момент изваяний, осуществил их картографирование. В начале XIX в. со стороны Российского государства была предпринята первая попытка описать и поставить на учет в канцелярии оренбургского губернатора сохранившиеся каменные «руины» [7. С. 129–135]. Среди них были названы и «каменные бабы на могилах и курганах», широко известные в то время не только в Оренбуржье, но и в других провинциях России – южнорусских степях, на Северном Кавказе, в Южной Сибири.

Таким образом, к концу XIX – началу XX в. оформилось вполне самостоятельное научное направление, изучающее памятники древней каменной архитектуры. В этом отношении примечательна работа Н.И. Веселовского, попытавшегося обобщить все достижения в изучении данной проблемы. Автор публикации строго отделяет антропоморфные изваяния от схожих в архитектуре исполнения каменных стел, не характеризующихся наличием следов художественной доработки. Н.И. Веселовский ставит под сомнение мысль, высказанную А.В. Терещенко, о том, что «каменные бабы» ставились на курганах разными народами, указывая, что она не верна уже по самому существу, и он сам придерживается гипотезы о тюркском происхождении традиции установки «каменных баб» [5]. Схожую позицию ранее занимал и Д.И. Яворницкий, считавший, что каменные стелы оставили тюркско-татарские народы, постепенно передвигавшиеся по степной полосе России [8. С. 190]. В дальнейшем антропоморфные изваяния, «оленные камни» и грубо обработанные каменные стелы рассматривались по-прежнему как родственные объекты исследований. Например, в монографии М.П. Грязнова и Е.Р. Шнейдера был проведен анализ каменных стел Минусинской котловины, при этом авторы указали, что ни стиль, ни техника изготовления изваяний не дают никаких указаний на время их сооружения или принадлежность. Это возможно сделать только при выявлении их взаимосвязи с другими памятниками древних культур Сибири [9. С. 14].

Л.Р. Кызласов в своей работе удревает датировку антропоморфных изваяний до эпохи бронзы, связывая происхождение некоторых из них с таштыкской эпохой Хакасско-Минусинской котловины [10. С. 157–160]. Г.А. Федоров-Давыдов поддержал подобную датировку наиболее ранних изваяний [11. С. 85], ссылаясь, в частности, на работу А.А. Формозова [12]. Автор констатирует факт того, что отсутствует прямая взаимосвязь между людьми, погребенными в курганах, и стоя-

щими на этих курганах изваяниями, являющимися более поздними сооружениями [11. С. 91]. На основе анализа иконографических мотивов изваяний и теоретических размышлений Федоров-Давыдов приходит к выводу о существовании общих тенденций распространения памятников в рамках степной полосы России в результате высокой миграционной активности кочевых народов. В целом исследователи второй половины XX в. продолжают полемику в отношении проблемы, рассматривая антропоморфные каменные изваяния различных типов (порой не имеющих четких признаков антропоморфности) и сопутствующие им культовые сооружения (каменные оградки, «балбалы») в совокупности. Эта специфика прослеживается в уже упомянутых работах М.П. Грязнова [9], Г.А. Федорова-Давыдова [11], а также Л.А. Евтюховой [13], С.А. Плетневой [6], В.С. Ольховского [14] и др. Однако пока нет никаких оснований для объединения многочисленного разбросанного по хронологическим отрезкам истории и территории материала. Я.А. Шер, размышляя об изваяниях Минусинской котловины, вслед за М.П. Грязновым [15. С. 151] признает, что более древние каменные изваяния эпохи бронзы не имеют никакого отношения к схожим памятникам тюркского периода [16. С. 31–32], и даже выделяет 7 территориально-хронологических групп изваяний. В научной литературе замечен довольно большой разброс мнений по поводу культурной и хронологической атрибуции этих объектов. В вопросе семантических свойств изваяний, напротив, все авторы сходятся в едином мнении, что каменные изваяния выполняют важную роль в погребально-поминальной обрядности населения степной Евразии, по меньшей мере начиная со скифской эпохи [14]. При этом отмечается, что для степных скифов характерны стелы в виде «каменных столбов с признаками антропоморфности». По ряду внешних архитектурных признаков (подтеканность краев, частично полированная поверхность, иногда рельефные изображения кинжалов и боевых топоров) ранние, еще «мало антропоморфные» стелы Поволжья и Северного Кавказа отнесены в работах А.Х. Халикова, А.И. Тереножкина, Н.Л. Членовой к киммерийским древностям VII в. до н.э. [17. С. 133–149]. Такие памятники могут выступать поздней вариацией развития культа эпохи бронзы, перешедшей в качестве элемента погребальной обрядности в культуры эпохи раннего железа и далее. Однако особенности такого перехода культурной традиции еще требуют более детального и целенаправленного изучения.

На Южном Урале каменные антропоморфные изваяния известны давно, научные упоминания о них встречаются в работах археологов начиная со второй половины XX в. [18. С. 171–173]. Однако лишь недавно появились публикации, посвященные анализу этой группы памятников как особого типа археологических древностей ранних кочевников. А.Д. Таиров и С.Ю. Гуцалов, изучая морфологию и иконографию каменных антропоморфных изваяний Южного Урала, высказали мнение о существовании у местных племен такой ранней разновидности монументальных погребальных памятников, как антропоморфные столбы, устанавливающиеся на курганных могильниках региона в VI–V вв. до н.э. [19. С. 161–168]. Антропоморфные столбы представляют собой схематично выполненную столбообразную человеческую фигуру с едва намеченными деталями. Впоследствии, начиная примерно с IV в. до н.э., изображение приобретает более выраженные человеческие черты, к которому добавляются другие детали воинского снаряжения – украшения и оружие. Ко второй половине XX в. из числа древних каменных сооружений Южного Урала и Средней Азии была выделена отдельная группы памятников, получившая название «менгиры». При этом их изучение стало происходить в рамках проблематики и хронологии эпохи палеометалла, связывая их происхождение и использование преимущественно с культовыми традициями племен энеолита–бронзы Евразийских степей [20. С. 52, 56].

На Южном Урале целенаправленным изучением менгиров как особого типа археологических объектов исследователи занялись на рубеже XX–XXI вв. Первые публикации этих памятников были сделаны Г.Б. Здановичем, Ф.Н. Петровым, А.К. Кирилловым, Е.Л. Поляковой. В них содержатся результаты проведенных исследований отдельных менгиров и их комплексов, выявленных на территории Челябинской области, а позднее и на территории Башкирии, даются предложения по их типологической классификации и интерпретации как сакральных объектов, выполняющих функции межевых столбов между разными мирами и пространствами [21. С. 71–79]. При этом некоторые авторы указывают на прочную связь менгиров с поселенческими объектами эпохи поздней бронзы, а другие делают акцент на проявление культа гор, существующего у местных племен в течение нескольких тысячелетий [22. С. 161–162]. Ряд исследователей при изучении архитектуры и топографии южноуральских менгиров эпохи бронзы определяют их как календарные или археоастрономические объекты, установленные для фик-

сации движения небесных тел [23. С. 7]. Кроме того, предпринимаются попытки связать происхождение мегалитического культа в целом на Южном Урале с формированием здесь в древности индоиранской мифологии.

Анализ проведенных исследований и научной публицистики показывает, что существующие подходы к изучению каменных стел имеют довольно специфический узконаправленный археологический характер, что связано с рассмотрением отдельных каменных сооружений как элементов древнего культа, связываемого с отдельными археологическими культурами или племенами древности. Кроме того, встает проблема о формировании единого методологического подхода к изучению, систематизации, атрибуции, хронологии каменных стел изучаемого региона, относимых к различным периодам от эпохи бронзы до средневековья. При этом выявление и изучение памятников происходит, как правило, попутно в ходе исследований других археологических объектов и связано с решением других задач по реконструкции этногенеза и культуругенеза народов Евразии. Совершенно не рассматриваются такие вопросы, как разработка единой методики фиксации и описания мегалитических сооружений и различного рода изваяний. Отсутствуют попытки сравнения морфологических структур мегалитов во времени и пространстве, неуверенными и пока слабо обоснованными выглядят попытки связать формирование мегалитического культа с мифотворчеством древних народов. Говоря о рассмотренных типах памятников, не определена грань – где заканчивается мегалитический культ и начинается культ, связанный с мировоззрением кочевников. Вместе с тем в научных исследованиях признается определенная динамичность развития религиозных представлений, связанных с каменными сооружениями, их вариативность, связанная с хронологией довольно широкого диапазона времени и пространства. Возможно, комплексный анализ всей совокупности схожих видов культовых каменных сооружений позволит взглянуть на проблему с иной позиции. Данный подход является классическим для историографии проблемы, и его применение остается актуальным в условиях дробления единого по внешним характеристикам типа культовых каменных сооружений на территориально-хронологические группы. Применение этого подхода требует разработки классификации культовых каменных сооружений Южного Урала. На основании опыта полевых и теоретических исследований прошлых лет необходимо скомбинировать принципы выявления, первичного археологи-

ческого обследования и консервации каменных сооружений рассматриваемого типа. Важным аспектом дальнейших исследований должна стать разработка терминологического аппарата, который должен быть составлен с учетом особенностей региона.

В настоящий момент мы можем подвести некоторые итоги состояния изученности древних каменных сооружений Южного Урала.

1. Каменные сооружения появляются на рубеже палеометаллической эпохи, т.е. с энеолита и бронзы, когда каменная индустрия претерпела существенную трансформацию и уступила приоритет изделиям из металла. В основном данная традиция закончила свое существование в период формирования союзов племен и ранних государств эпохи средневековья. Хотя в качестве архаизмов продолжает существовать и позже, в условиях формирования современного индустриального общества.

2. В разное время разные исследователи предпринимали попытки перейти от описания отдельных мегалитических объектов к обобщениям и научной атрибуции некоторых памятников, однако до сих пор существует довольно большой разброс мнений по вопросам их происхождения и атрибуции, не сформирована единая методологическая концепция, позволяющая перейти к более целенаправленному и комплексному их изучению. В связи с этим многие выявляемые ныне памятники не только не изучаются специалистами, но и не ставятся на государственный учет и охрану.

3. Актуальным представляется в настоящее время выйти на уровень более целенаправленного рассмотрения древних каменных сооружений как комплексных, многокомпонентных объектов историко-культурного наследия народов России, оттолкнувшись от проблемного поля региональной археологической науки. При этом следует интегрированно рассматривать каменные сооружения древности и нового времени с позиций разных научных дисциплин, с применением методик гуманитарного и естественнонаучного цикла.

4. Признав древние каменные сооружения объектами наследия, необходимо перейти к решению вопроса их сохранения и использования в качестве музейных памятников. В настоящее время уже появляется опыт музеефикации различных типов каменных сооружений на Южном Урале – менгиров в музее-заповеднике «Ирендык», каменных стел в «Аркаи́ме», мегалитов на острове Веры. Однако пока это происходит вне специальных программ и поддержки на законодательном уровне.

Таким образом, при решении рассмотренной проблемы существует два взаимосвязанных направления. Первое связано с разработкой специальной

методики и методологии выявления, изучения и систематизации каменных сооружений древности на Южном Урале. Второе направление связано с разработкой методологических оснований для дальнейшего сохранения и использования каменных сооружений региона как объектов историко-культурного наследия в рамках охранной деятельности государства в форме их музеефикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Поэзия и проза Древнего Востока*. М., 1973.
2. *Рубрук Г.* Путешествия в восточные страны. М., 1972.
3. *Книга большого чертежу* / ред. К.Н. Сербина. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950.
4. *Исследователи-путешественники о Башкортостане*. XVIII век / сост., предисл., коммент. В.В. Сидоров. Уфа: Китап, 2007.
5. *Веселовский Н.И.* Современное состояние вопроса о «каменных бабах» // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 33. Одесса, 1915.
6. *Плетнева С.А.* Половецкие каменные изваяния // Археология СССР. САИ. Вып. Б4-2. М.: Наука, 1974.
7. *Минеева И.М.* «...О сохранении древностей и о воспреещении разрушать оныя» (из истории охраны и изучения археологических памятников на Южном Урале) // Археография Южного Урала: матер. IV межрег. науч.-практ. конф., 16 сентября 2004 г. Уфа: РА «Информреклама», 2004.
8. *Яварницкий Д.И.* Каменные бабы // Исторический вестник. 1890. С. 190.
9. *Грязнов М.П., Шнейдер Е.Р.* Древние изваяния Минусинских степей // Материалы по этнографии. Т. IV, вып. 2. Л., 1929.
10. *Кызласов Л.Р.* Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). М.: МГУ, 1960.
11. *Федоров-Давыдов Г.А.* Искусство кочевников и Золотой Орды (Очерки культуры и искусства народов Евразийских степей и золотоордынских городов). М.: Искусство, 1976.
12. *Формозов А.А.* О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // Советская археология. 1959. № 2.
13. *Евтюхова Л.А.* Труды государственного исторического музея. Вып. 16. М., 1941 [1943], отгиск.
14. *Ольховский В.С.* Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII–III вв. до н.э.). М.: Наука, 1991.
15. *Грязнов М.П.* Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми данными // Советская археология. 1950. № 12.
16. *Шер Я.А.* Каменные изваяния Семиречья. М., 1966.
17. *Членова Н.И.* Северокавказские оленные камни и Новомордовские стелы // Антропоморфные изображения. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1987.
18. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964.
19. *Таиров А.Д., Гуцалов С.Ю.* О генезисе каменных антропоморфных изваяний Арало-Каспийского региона // Материалы по археологии Волго-Донских степей: сб. науч. статей. Волгоград, 2001.
20. *Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Образаев А.М.* Древняя культура Центрального Казахстана / под ред. А.Х. Маргулана, Алма-Ата: Наука, Каз. ССР, 1966.
21. *Полякова Е.Л.* История изучения мегалитических памятников Южного Урала // Этнические взаимодействия на Южном Урале: матер. III рег. (с междунар. участием) науч.-практ. конф. / отв. ред. А.Д. Таиров. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2006.
22. *Петров Ф.Н.* Древние культовые памятники почитания стихийных духов на территории степного Завраля // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. №23 (101).
23. *Зданович Г.Б., Батанина И.М., Левит Н.В., Батанин С.А.* Археологический атлас Челябинской области. Вып. 1. Степь–лесостепь. Кизильский район. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 2003.